

Содержание

Цель христианской жизни.....	6
Страшное время	27
Жизнь как иллюзия.....	34
Кто отдает, тот приобретает	38
Золото в печи скорбей.....	44
Рождение в вечность	50
Обожение как смысл жизни	56

ЦЕЛЬ ХРИСТИАНСКОЙ ЖИЗНИ

Что такое радость, молитва, чудо?

Человек создан Богом для радости. Но сразу сделаю уточнение: к ней нужно прийти, чтобы она была не легкомысленной, а глубокой и драгоценной. К радости Пасхи мы приближаемся через тяготу Великого поста, через утешение себя, через плач. Это искренняя радость, не бесшабашная. Иногда люди приходят в Православие в какой-то эйфории, им сразу хочется радости. Само слово настраивает их на легкомысленный лад: «Мы будем радоваться!» И это лишает серьезности момента, его ответственности.

Христос распялся, умер и воскрес. Он сделал все для нашего спасения. Но происходить оно должно в синергии: к Его трудам нам необходимо приложить свою искренность и хотя бы небольшой свой труд. Просто пользоваться Его заслугами, ничего не прилагая от себя, будет не

то что легкомысленно, а в некоторой степени даже кощунственно, если мы понимаем, какой ценой Он заработал наше спасение. Ведь это был крест. Крест не иллюзорный, а объективный. Это была боль, великая жертва, которая вот уже две тысячи лет продолжает совершаться на каждой Божественной литургии.

Молодость Софрония Сахарова пришлась на Первую мировую войну, когда в обществе было очень много неустроенности, скорби, страшных моментов: страдали не только воины, но и дети, женщины, старики. Это была боль на пике, на надрыве. И в Софронии — тогда он был еще Сергеем — возник юношеский протест: «Господи, столько страданий! У меня сердце разрывается, когда гляжу на все это! Где же Ты?» Это традиционный вопрос: почему болеют дети, страдают праведники? А где же Ты? И тогда ему явился Христос, измученный, истерзанный, висящий на кресте с окровавленными руками, ногами, с пробитым ребром, и задал ему встречный вопрос: «Разве ты распялся за них?» Господь — вне времени, и, пока существует этот мир, Он будет распинаться и распинаться за нас.

Есть такая икона — «Нечаянная Радость». Богородица держит на руках Младенца,

у Которого пробиты ручки, ножки и ребро. И от Ее лица написано: «Вы яко жидове и иные грешники на каждый час своими грехами распинаете Господа». Это происходит ежедневно.

В Церкви существует такое антиномичное понятие — печалерадование, сочетание печали и радования. У нас радость иного рода, нежели в мирском понимании, которое бывает очень безответственным, а порой даже кощунственным. Как я могу легкомысленно радоваться, когда мой Бог на кресте? Но я могу переживать радость, когда пытаюсь поддержать Его руки, ноги, понести Его Крест вместе с Ним. Это тоже радость, но она другой природы: я радуюсь соучастию со Христом, я вместе с Ним распинаюсь — и это радость через боль; я вместе с Ним умираю — и это радость через глубокую печаль; я вместе с Ним воскресаю — и эта радость после распятия уже не бывает бесшабашной и легкомысленной. Поэтому к слову «радость» нужно подходить очень осторожно, деликатно, ответственно.

Радость покаяния сопряжена со слезами — опять печалерадование. Радость труда — с утомлением. Кто-то радуется безделью, а кто-то — творчеству. И там, и там радость, но это радости разной природы. Молитва — это

не только переживание каких-то комфортных состояний. Святые отцы из своего опыта говорят, что это большой труд. А труд доставляет радость, когда ты что-то зарабатываешь. Лично мне приятнее не подарок получить, а зарабатывать. И чем больше я усилий приложил, тем драгоценнее мое приобретение.

Даже в творчестве, если тебе что-то дается легко, оно и ценится так же, а то, что ты выстрадал, — драгоценно. Мой сынок, сейчас его уже нет, был оператором. Мы снимали с ним фильм в Иерусалиме. Отсняли материал, приехали домой, и через два месяца я написал сценарий, мы записали звук, подложили музыку. Сын садится собирать видеоряд... и в тот же день попадает в реанимацию. У него и раньше такое бывало, и реанимация всегда меня как-то обнадеживала, потому что там сугубое отношение к больному и очень мощная терапия. Но в этот раз сыну было очень плохо, на второй день — еще хуже, а потом он ушел в кому. Я уже думал, что мы будем его хоронить...

В то время ко мне приехали друзья из Москвы. Я им говорю: «Давайте я почитаю вам сценарий, но, наверное, делать фильм буду уже без него». Почитал. Повисла небольшая пауза. Друзья сказали: «Наверное, этот фильм очень

нужен, если дается такой ценой». Удивительно, но на третий день сын вдруг пришел в себя. Доктора потом говорили, что не знают, что с ним было и как он ожил. Он возвращается домой, еле ходит по стеночке, а на следующий день сбегает в свою монтажную. В очень слабом состоянии неделю собирает фильм, зовет меня на первый просмотр. Мы садимся перед экраном компьютера, сын нажимает кнопку — и фильм летит в ноль без права восстановления. Мы пять-десять минут сидим молча, а потом сын поворачивается ко мне и говорит: «Пап, я все помню. Я начну сначала». Конечно, понимал, что проживет недолго... И я ему всегда говорил: «Кирюш, мы с тобой сделали “Иерусалим”. Программу жизни ты выполнил, сколько бы ты ни прожил. Мы сделали не только этот фильм, но и многое другое». Труд, который дорого стоит, потом приносит большое моральное удовлетворение.

Радость понимается по-разному. Алкоголик напьется — и радуется. Мать, которая не спала всю ночь, ухаживая за ребенком, держит его на руках и радуется. Это радость разной природы. Человек, устало идущий с работы, на которой сделал что-то реальное, несет радость труда. Опять же у бездельника — своя радость.

Как-то отец Димитрий Смирнов вспоминал телевизионную передачу советского времени. В студию пригласили многодетную мать и женщину, которая не создала семью, не родила детей, посвятила жизнь только себе. Говорили о радости, о том, у кого какой приоритет ценностей. Первой дали слово той женщине. «Я имела возможность путешествовать, посещала театры, занималась своим здоровьем...» Много чего она рассказала, и казалось, что на фоне такой богатой прекрасными событиями жизни многодетная мать сейчас просто провалится. А она произнесла короткую фразу: «Знаете, как пахнет у младенчика между ушком и шейкой?» Тому, кто не переживал глубокую радость родительства, это может показаться странным, но тот, кто переживал, понимает, что эта мать гораздо богаче.

В Псалтири есть такие слова: «Расточая, приобретаем» (Пс. 111: 9). А кто-то постоянно только приобретает. И там радость, и здесь радость. Я за радость, но духовную, мудрую, ту, которая обязательно должна сочетаться с трудом и добровольной тяготой. После того как ты поплакал, радость бывает другой: может быть, не такой громкой, но очень глубокой. Поэтому радуйтесь! «Всегда радуйтесь, непрестанно

молитесь», — говорит апостол Павел (1 Фес. 5: 16–17).

Я с большим уважением отношусь к теории относительности Эйнштейна. Для меня она — драгоценность. Это очень объективно, бытийно. В мире все относительно, кроме Бога. Когда ты это понимаешь, начинаешь выстраивать свою жизнь христоцентрично, чтобы все проходило через главный смысл.

Меня очень печалит, что многие христиане, если спросить их о видах молитвы, сразу же назовут молитву просительную, молитву покаяния, молитву благодарения, но мало кто скажет о молитве соединения. Молитва — это вхождение в реальное отношение с Богом в Духе Святом. В Ветхом Завете мы читаем: «Авраам был праведен, ходил перед Богом» (ср.: Иак. 2: 23), «Ной был праведен, ходил перед Богом» (ср.: Быт. 6: 9). То есть Он для ветхозаветного человека был объектом «перед», а это предполагает дистанцию. Большую или меньшую, но всегда дистанцию. И вдруг в Новом Завете все кардинально изменяется: Бог становится объектом внутри тебя. В этом и есть сущность, бытие настоящей молитвы: не когда ты благодаришь внешний объект, каешься перед ним, просишь о чем-то, а когда

эта Личность становится частью тебя. Апостол Павел говорит: «Уже не я живу, но живет во мне Христос» (Гал. 2: 20). В Спасителе в первом произошло таинство обожения — не слитно, не раздельно соединились две природы. Он был Совершенный Человек и Совершенный Бог. Если человек ведет правильную, искреннюю духовную жизнь, а не просто живет пред Господом, у него появляется желание соединиться с Ним, чтобы Бог стал частью его, а он — частью Бога. Это и есть настоящая молитва. Все остальное — что-то около.

Так жили святые отцы, так они живут до сих пор. Может быть, в какие-то периоды их становится меньше, но Церковь никогда не перестанет рождать святых, никогда не прекратится в ней духовная жизнь. Когда-то Паисий Величковский приехал на Афон в поисках учителей умной молитвы и не нашел там практикующих. Обнаружил только книги, которые потом собрал в «Добротолюбие». Да, в то время он не нашел, но Афон не умер. Потом, в XX столетии, была новая волна. Сейчас твердят как мантру, что времена уже последние, святых отцов нет, духовная жизнь невозможна. Но еще совсем недавно было уникальное явление: Иосиф Исихаст со своей духовной семьей. Год